
Артём Валерьевич □

Ангельская пыль. □

Последнее изменение: 14 мая 2018 □

(с) Все права на эту работу принадлежат автору □

1. Начало.

Шел необычный, для привычного в то время климата, сильный и порывистый дождь. Тучи имели пепельный цвет. На дворе было холодное лето 1099 года. Недалеко от святого города, стояло многотысячное войско рыцарей с крестами на груди. Как Всемирный потоп, разносилась воодушевляющая речь одного из лордов:

- Братья мои, наша цель- нести слово господа в мир, прогневший из-за ереси, скупости и тьмы, которая воцарилась в сердцах людей. Стоя у врат Иерусалима, я горд за то, что сражаюсь плечом к плечу с сынами Божьими, несущими свет в царство проклятых, отравленное нечестивостью. Мы- святой орден праведников! Мы- братство, несущее истину! Мы- воля Господа нашего! Принесем же огонь веры в грешные земли! И окропит землю кровь неверных, чьи слова- кощунство над святыней! За Гроб Господень! Вперед!

Крик моих воинов разрывает уши. Меня переполняет гордость. Моя вера непоколебима. Я несу свет, дабы очистить мир от ереси. Всадники рвутся в бой, оставляя за собой гору трупов, больше похожую на вершину Скопуса. Звон ударов стали о сталь отдается в моих ушах, как песня лучшего барда об этом славном дне. Воины сносят ворота при помощи осадных орудий и не щадят никого. В воздухе застывает запах крови, отрубленные части тел падают на землю как капли дождя, крики людей смешиваются со звуком ударов меча о плоть. Я вхожу на своем черном коне в город, полный грешников, дабы нести волю Господа. Каждый мой удар кладет на землю неверного, чьи помыслы полны яда. Мои доспехи кипят от крови. Удар, удар и еще удар, и тело сарацина падает без головы на мокрую землю. Я снимаю шлем, и моему взору предстает картина, которую я прокручивал в голове уже не один десяток раз: тела неверных лежат рядами из-за града стрел, обрушенного на них Господом; воины, способные сражаться, гибнут от мечей моей Армии света, а желание тех, кто задумал сбежать, тут же прерывается пылающими стрелами, несущими правду. Я слезаю с коня и отдаю приказ , - "Смерть неверным!".

Мой голос разносится ветром, как лихорадка по телу, но Иерусалим еще издает вздохи борьбы. Горящие дома омываются дождем, но это не спасет город...

Спокойным шагом я продолжаю движение до Гроба Господня, дабы действующий лидер признал право святого войска на эти земли. Лорд, ведущий нас к победе, идет впереди меня, а я с другими солдатами иду позади. Мы его длань возмездия, мы несем его слово...

Дождь бьет о мои черные волосы, капли стекают по лицу, усеянному боевыми шрамами. Сзади все еще слышен звон мечей, сопровождаемый криками неверных о пощаде, но её не будет!

Мой лорд улыбается, смеется, как ребенок, радуясь скорой победе, но молния пронзает его тело, разрывая на куски...

-Отец!..

Вскрикнул я, как мальчишка. Глаза наполняют слезы. Они стекают по моим щекам, но дождь скрывает их. Куски его тела ударяются об мою железную грудь. Я обнажаю свой меч и делаю выпад, сопровождаемый ветром неистовой силы.

В меня летит огонь из рук мага, он обжигает моё лицо, но мне все равно, выживу я или нет, ибо слово Господа отдается в моей душе, в моем клинке, пронзающем тело нечестивого.

-Ааааа...

Кричу я, срубая его голову, но ощущаю, что силы стали покидать меня. Оборачиваясь назад, я вижу, как наши солдаты умирают, а на смену им приходят новые, но отряд, шедший за моим отцом, уничтожен тем, кто смог пронзить меня своим клинком сейчас.

Его глаза пылают огнем, а изо рта выходит пар, который плавит мои доспехи. Он вытаскивает меч из моей груди, поднимает его над моей головой, и наносит последний удар. Я лишь успеваю выкрикнуть, - Этого хочет Бог!..

Его удар мечом так же легок, как моя голова, которая покатила вниз по ступенькам.

В последнюю секунду я понимаю, что Иерусалим все равно падет, и слово света услышат все...

Я открываю глаза, и оказываюсь в темном коридоре. Моя голова на месте, а раны в области груди нет. Я попал в рай? Шепот зовет меня на свет, который появился впереди, как символ того, что Бог вознаградит меня за мою веру! Но я резко проваливаюсь вниз...

Пытаюсь кричать, но не слышу своего голоса, только тишина...

Упав на дно, я оказываюсь на стуле рядом с деревянным столом. Напротив сидит человек в странном одеянии. Как позже выяснится, эти вещи имеют своё название.

Он достает еще один неведомый предмет из глубин своего одеяния, кладет его себе в рот и поджигает. Место, где мы сидим, резко окутывает дым, выходящий из его рта.

Он начинает улыбаться, и моему взору предстает ряд из острых, бесконечно повторяющихся зубов. Его глаза сверкают огнем, и он начинает говорить:

- Здравствуй, Ивин. Я рад сообщить тебе, что за твои заслуги, проявленные в бою, с целью нести свет и правду в мир инакомыслия, твой Бог решил наградить тебя вечными муками в пристанище грешников.

Смех начинает литься из него, как водопад. Звук пронзает мои уши, они начинают кровоточить, но он резко останавливается и замолкает. Я чувствую на себе его взор, он протыкает меня своим взглядом, по спине начинают бежать мурашки, а сердце бьется так, будто я горю на костре...

Он или оно, видимо, ждет, пока я что-то спрошу или скажу?

- Не стесняйся. Если есть вопросы, то задавай их скорее. Времени у нас не так много.

Я осматриваю то место, где мы находимся, пытаюсь убрать дым, но он сформировал купол вокруг нас. Маг, приспешник тьмы, но всё гораздо прозаичнее.

-Ты решил перекусить своим языком, Ивин? Если нет, то я жду вопросов.

Легкий смешок пронесся по комнате, но я уже ощутил невероятный страх. Я умер, и попал в ад? Я снова осматриваю существо, которое сидит напротив меня, но, кроме странной одежды, странного предмета во рту, горящих глаз и зубастой улыбки, ничего не вижу. Я собираю всю свою волю в кулак и начинаю с ним говорить.

- Где я?

-Нет, Ивин. Мы не с того начали. Поприветствуй меня.

Боль снова пронзает тело, и рана появляется на груди. Кровь начинает течь из моего рта, как бьющийся фонтан воды из земли. Я выдавливаю из себя "Приветствую", и рана затягивается. Я вновь возвращаюсь в прежнее состояние.

- Отличное начало, мой дорогой друг. Как полагаю, ты хочешь знать, кто я или что я такое? Ну что же, я буду краток. Вы называете меня Князем тьмы, Сатаной, Демоном, Чертом, Абаддоном, Велиаром, но моё самое любимое- Люцифер.

-Ты- зло.

- Надо же, какой дерзкий. Отдам тебе должное, я еще ни за кем не следил с таким наслаждением. Пятьсот загубленных душ от твоего меча. Да, ты ценный экспонат в моей коллекции. И я не зло. Я тот, кто уравнивает мир и приносит порядок.

- Я в аду?

- Надо же, разговорился. Это прогресс. Выпьем за это?

Предо мной появляется маленький сосуд, полный неизвестной для меня жидкости.

- Это виски. Хороший и терпкий напиток, как раз подходит для нашего разговора.

Я выпиваю залпом, и начинаю кашлять. Ком встает в горле, и меня выворачивает на черный пол.

-Как тебе, Ивин?

- Ужасное пойло.

-Нет, ужас- то, что ждет тебя дальше, если ты не решишь.

- Не решу что, демон?

Я пытаюсь встать, но такое ощущение, будто я прикован к стулу.

- О, зверь хочет выйти из капкана? Посмотри вниз. Посмотри, что ждет тебя за твои грехи, рыцарь- праведник, ахахахаха...

Моя голова сама опускается вниз, и я вижу огонь, а в нем людей, которые молят о помощи. Крики миллионов людей разрывают мою голову, а их боль передается мне, но продолжается это всего секунду. Демон резко прекращает все это, и продолжает свою речь:

-Тебя ждет ад, мучения за то, что ты слепо следовал извращенным святым писаниям.

- Я делал то, что требовал Бог.

- Нет, ты делал то, что является грехом. Как вы люди говорите? Бог есть любовь? Разве

любовь заставляет убивать тех, кто чужд вам по убеждениям? Нет, просто такова человеческая природа. Ха-ха-ха, ты весьма забавный для того, кто убил пять сотен человек.

-Я не убийца! Я- сын Божий!

-Нет, у вашего Бога нет детей убийц. Есть только праведники и скот. И ты, мой экспонат, часть скота, который следует забить по причине неурожая и голода. Бог отвернулся от вас. Думаешь, что все, кто убивают, прикрываясь его волей, будут на небесах пить вино и ублажать небесных дев? Нет, их ждет то же, что и тебя. Вечный огонь, муки, пытки, и так всегда...

Но я хочу дать тебе шанс. Не гоже отправлять такой кадр страдать в огне, переживать все убийства, чувствовать вечную и невыносимую боль.

-Что ты хочешь от меня?

-Откажись от веры. Сними со своей груди крест, скинь его со своей шеи в огонь, и тогда мы продолжим обсуждать то, что я хотел бы дать тебе,- с безумной ухмылкой говорит демон.

Его слова слишком убедительны, но моя вера все еще сильна . Руки сами тянутся к шее, дабы снять оковы праведности, обжигающие мою плоть, но мысленно я читаю "Отче Наш" . Я замечаю, что по куску металла течет слеза. Как только кончики пальцев касаются цепочки, я чувствую сильное жжение, сопровождаемое скрежетом плавящегося металла. Крест сам спадает с моей груди и летит вниз в огонь преисподней.

Я сам понял, что всеобъемлющий бог отказался от меня, но в сердце все еще не зачал росток надежды на прощение.

- Отлично, замечательное начало...

По моим щекам начали течь слезы, но они тут же высохли и обожгли меня, а я даже не чувствовал боли. Я понял, что все то, что я делал, было глупой борьбой за амбиции человека, который назвал себя тем, кто слышит свет и знает волю творца.

- Я отрекаюсь от несущего свет, и признаю тебя своим Богом.

-Отлично сказано, но встань на колени, скажи это снова, и произнеси моё имя. Сразу хочу внести ясность. Я деловой человек, мне очень важно время, так как это ценнейший ресурс, как и люди. Так что, сейчас же встань на колени!

Я даже не понял, как это произошло, но я уже стоял на коленях. Сатана улыбнулся мне и сказал: "Моё имя- Бог Ярящегося Хаоса. Повтори."

- Я отрекаюсь от Несущего свет, и признаю тебя своим Богом, Бог Ярящегося Хаоса. Я клянусь тебе в верности и покорности.

-Отлично, Ивин. Теперь составим договор, который ты подпишешь.

-Что составим?

Я снова оказываюсь за столом, и предо мной из воздуха материализуется пергамент с

пером.

-Ивин, ты будешь моим всадником на вороном коне. Я дам тебе силу тысячи воинов, бессмертие и прочую магическую чушь, которую вы считаете произведением лукавого. Но взамен, я заберу половину твоей души, но не переживай, я заполню недостающую половину. Ты должен будешь уничтожать все на своем пути, миллионы падут от твоих рук, ты будешь нести хаос в мир, дабы насытить меня грешниками. Но через восемьсот лет ты должен будешь убивать не меньше одного грешника в день.

-Почему одного?

- Это ты и сам поймешь. А сейчас, подпиши...

-А что будет с моей половиной души?

-Ничего, она будет гореть в аду, в качестве залога за твою преданность. Когда ты сослужишь мне свою службу, я отдам её обратно.

-А после службы?

Смех раздался в моей голове снова. Я почувствовал его горячее дыхание на себе.

-Конца службы нет, Ивин. Вечная служба.

-Чем ты заменишь мне душу?

- Хватит разговоров, Ивин. Подпиши и начни нести мою волю...

Я беру перо, но оно режет меня, как нож, и капли крови падают на лист.

- Чудесно, превосходно. Рад сообщить, что ты теперь в моей власти, дорогой рыцарь.

Люцифер резко встает, стол и стулья пропадают, и его рука вонзается в моё тело. Боль, несравнимая ни с чем боль, пронзает всего меня. Я кричу, мой крик отдается по всему телу, как дрожь. На моих глазах он вытаскивает мою душу и разрубает её пополам. Я чувствую, как он разрезал её, ибо моё тело отсоединяется на две равные части, но я все еще вижу то, что он делает. Сатана забирает половину моей души, и пожирает её, а другую половину небрежно кидает в мою сторону, и она сама входит в "тело".

-Сейчас это закончится,- с безумной ухмылкой повторяет Люцифер.

Из глубин преисподней вырывается нечто неподвластное моему объяснению. Темное, облачное в доспехи, существо. Бог Ярящегося Хаоса наводит свой взор на него, и демон превращается в неосязаемый сгусток чего-то непонятного. Сатана хватается этот сгусток своей рукой, разделяет на две части и всовывает половину в меня. Моё тело начинает сшиваться, и возвращается в прежнее состояние...

□□□□□□

2. Двоедушный.

Я просыпаюсь весь в поту, лежа на полу в полусогнутом состоянии. Моё пробуждение сопровождается дождём, который льет уже несколько дней подряд. Капли, ударяясь об крышу дома, купленного мной за один доллар, пропускают холодную воду, а она, в свою очередь, оmyвает меня, дабы я скорее встал и посмотрел на часы.

Девять утра. Я снова опаздываю на работу, хоть и живу уже чуть больше девятисот лет, но вовремя вставать так и не научился.

Моя новая работа не отличается от старой, только место другое. Частный детектив. Теперь город моего пребывания- Детройт, штат Мичиган. Столько городов я объездил за свою долгую жизнь, но именно он привлек моё внимание еще в 1960 году. Эх, стычки банд, разгул преступности, на каждом углу, шлюхи и торговцы “раем”, коррумпированные блюстители закона, безработица... Хаос одним словом. А хаос мне нравится. Да, прошло уже девятьсот с чем-то лет, как я отрекся от “святой” миссии нести слово Бога, и стал верно служить Люциферу. Сколько войн я прошел под эгидой тьмы: Война Алой и Белой розы, Ливонская, Северная, все Русско-Турецкие, Первую мировую, Вторую, Вьетнам, Афганистан...

Особенно хорошо я повеселился в Итальянской компании Наполеона, во время Гражданской Войны в России и войны Монгольской Империи...

Сколько людей полегло от моей руки? Много, миллионы храбрых воинов остались без голов, а видящие это солдаты бежали в ужасе, либо у них выгорали глаза от страха, ибо они понимали, что не смогут скрыться от того, кого сами хотели видеть на поле битвы- достойного Противника.

За всю историю, мне дали много имен: Всадник без головы (обидно, я просто носил огромную мантию, чтобы стаи церковных волков не могли меня найти), несущий мор (да, я стал первопричиной мора в Азии и Европе), Смерть (просто, если солдаты враждующих империй видели вороного коня с горящими глазами, то они понимали, что это последняя их битва, хотя я и оставлял в живых), Темный Рыцарь (это мне нравилось больше всего, ибо доспех и в правду был черный, но основной мотив такого имени, наверное, наличие демонических крыльев за моей спиной или пламени, которое окутывало меня во время битвы), но самое не любимое и все еще употребляемое- Альяхп, вестник Ада.

Да, сколько легенд, и не одной правдивой, кроме той, что трактует церковь своим воинам, дабы найти меня и уничтожить. По их словам, я есть самое страшное зло, после Люцифера. Они открыли на меня охоту, создав Инквизицию. Но я был не их первоначальной целью. Целью номер один было для них - уничтожение нечисти в лице ведьм, колдунов, магов а так же демонов, вырвавшихся из Завесы, по вине отца Иннокентия третьего. Если бы он не начал вырезать катаров, как скот, то их миролюбивый Бог не позволил бы открыть завесу, но...

-Ивин, придурок. Прекрати думать каждый день об одном и том же, пожалей меня. Я вообще-то часть тебя, и мне тяжело постоянно слушать одну и ту же историю о том, “ сколько человек я убил?” и что “церковь охотиться на меня”...

Ты всего лишь моё наказание, Алукард, пожирающий души.

- Сам ты пожирающий души, я предпочитаю “духовный сомилье”!

Эх, я живу с тобой сотни лет, но так и не научился терпеть твой “искрометный юмор”, - говорю я с иронией.

-Эй, а это обидно. Я бы навалял тебе, если бы Бог Ярящегося Хаоса вернул мне моё тело, так как твоё неподвластно моему контролю. Но ладно. Зато я привык к вечно хмурому Ивину, который радуется только очередному делу об убийстве или когда забирает душу грешника...

Запомни еще раз, Алукард. Я не рад забирать души грешников, для этого есть закон, а вот убивать прислужников церкви... Да, я, пожалуй, рад, ибо они более грешны, чем любой убийца в этом городе.

-Слушай, блюститель закона. А тебе на работу не пора? А то сегодня ты мне торчишь душу, а точнее ему. Не забыл условия контракта?

Иногда я хочу наkostenить тебе, демон, за громкую речь, но вспоминаю, что ты можешь говорить со мной ,как и я с тобой, только мыслями...

-К чему ты ведешь, Ивин?

К тому, что бить себя - нет смысла, ибо я не чувствую боли ни от чего, кроме религиозной атрибутики, а утопить тебя в святой воде, как я считаю, кощунство. Не люблю ожоги от воды, распятий и так далее, на своем теле, да и, плюс ко всему, ты стонешь, как женщина во время родов...

-Вот тут ты палку перегнул. Ладно, допустим, что этого разговора не было, и ты можешь продолжить то, что говорил про себя еще раз...

А на чём я остановился, Алукард?

- На завесе.

Ну нет, это ты слышал сотни раз. Что-нибудь другое, может быть?

Алукард лишь просит меня уже пойти на работу, ибо мой треп его утомил, но я не спешу, хотя следовало бы начать торопиться.

Ведь я единственный детектив в этом городе, который не боится запачкать руки в крови, имеет большую раскрываемость, в отличие от “рыцарей на белом коне” , выдающих себя за безгрешных и неподкупных.

-Ой, да хватит. Если бы не мои способности, то дело бы ты разгадывал ,как тот кроссворд в туалете.

Я виноват в том, что вопрос о смерти Гитлера - ложь? Он умер не в 1945 году, и ты сам это прекрасно помнишь.

-Бррр, все, иди к чёрту.

От черта слышу, от черта слышу...

Я быстро подрываюсь с пола, и направляюсь уверенными шагами в ванну. Умываюсь. Рутинная вещь доведена до автоматизма, как и все мои способности.

- Кроме готовки. Готовишь ты так ужасно, что, если бы ты подавал блюдо королю Англии, тот умер бы только от одного вида твоей стряпни,- сказал в моей голове Алукард, посмеиваясь.

Дай мне хоть собраться без твоего трепа, сукин сын.

-Все, замолкаю, святой рыцарь, ха-ха-ха...

Прохожу на кухню, оглядываю обшарпанные стены, на которых красуются пятна крови, оставленные прошлыми жильцами, в спешке покинувшими этот злополучный дом. Все пахнет сыростью и плесенью. Порывистый ветер дует на меня сквозь трещины в стене, но мне это безразлично. Ведь, забрав мою половину души, Сатана лишил меня больше половины человеческих потребностей, но основные, по типу питания и сна, остались, хоть я в них, по сути, и не нуждаюсь. Я спокойно обхожусь без сна, пищи и воды годами, а то и десятилетиями. Но сейчас я не отказываю себе в этом. Прошло время, когда я должен был приносить сотни душ для своего господина, дабы насытить его. Люди сами стали насыщать его постоянными войнами, распрями и междоусобицами, и довели мир до того, что каждый человек теперь грешен. Нет безгрешных, всех ждет ад, даже тех, кто считает себя святым.

- Неплохое умозаключение, а теперь давай, иди, налей себе кофе, реалист чертов.

Алукард, ты же раньше не был таким. Ранее ты радостно воспринимал своё заключение во мне, и разделял мои мысли. А что стало теперь?

- Раньше ты вместе со мной мчал на своем коне, оставляя за собой горящие города и выжженные земли, горы трупов, разносил чуму, внедрял в людей семя раздора, а теперь ты ограничиваешься одним грешником в день, и помогаешь тем, кто ранее пытался придать тебя священному огню.

Прозаично, ничего не скажешь, но прошло наше время, Алукард. Сам Бог Ярящегося Хаоса говорил о том, что я пойму, почему я должен убивать не более одного грешника в сутки, после восьмисот лет службы. И ты сам это понял.

-Да, но от этого не легче. Давай хоть один день как раньше?

Может быть, сегодня ночью и будет этот день. Ты только помоги мне раскрыть то, что приготовит для меня полиция, а ночью мы с тобой снова поседем хаос.

- Я знаю, когда ты врешь, и сейчас ты меня сильно удивил. Ладно, но убогие шутки и афоризмы, я выпускать из себя не перестану.

Я знаю это, друг мой.

Я завариваю себе чашечку крепкого кофе без сахара и молока. Алукард просит, чтобы хоть сахар добавил, ибо он чувствует то же, что и я. Ладно, чертяга, пойду тебе навстречу. Включи пока телевизор в комнате на полную громкость.

Я добавляю два кубика сахара в кружку, а он включает телевизор, дабы я мог знать, что меня ожидает сегодня. Попивая кофе, я слышу новости о двойном убийстве, нескольких

грабежах, угоне, изнасиловании.

-Чернуха одна, хах.

Да, чернуха. Как тебе кофе? Сахара не маловато?

-Нет, в самый раз. Только бы добавил молоко, а то слишком горько получается, особенно когда ты еще и куришь в это время.

Спасибо, что напомнил. Принеси пачку из джинсов.

Звук телевизора, сопровождаемый постукиванием дождя об крыши и окна, приглушается резким ударом тумбочки, в которой лежат мои джинсы. Видимо, он снова вырвал верхний отдел комода, чтобы добраться до моих джинсов и принести мне любимую отраву.

Алукард, помнишь, о чем мы договаривались? Не разрушай вещи в доме, если я прошу тебя что-то достать.

-Да я все верну в обратное состояние. Не переживай.

Чудо, пачка прилетает ко мне на стол, и ложится рядом с телефоном, на который в ту же секунду начинают названивать. Обычно Алукард снимает трубку и ставит на громкоговоритель сразу, но сегодня играет его любимая песня группы Kiss “Оружие Любви”, и поэтому он не спешит.

-Ну что, я нажимаю на зеленую кнопку на твоём смартфоне?

Да, нажимай.

Хорошая песня заменяется голосом сержанта Рича.

- Детектив Джонсон. Вы опоздали в отдел. Я понимаю, что вы на нас официально не работаете, и, по нормам приличия, вы можете прийти, когда угодно, но вы срочно нам нужны.

-Что случилось, сержант?

- Двойное убийство.

- Я слышал по новостям о двойном убийстве. Вроде семейной пары. Я прав?

-Да, но это не простое убийство. В подвале дома убитых найдена пентаграмма и оккультные безделушки, в которых вы разбираетесь лучше, чем мои криминалисты.

-Хм, интересно. А что же за “безделушки” ?

- Четыре ритуальных мантии, пропавший из музея Масонский церемониальный кинжал, двенадцать пятилитровых банок с человеческой кровью и ...

-Можете не продолжать. Адрес скиньте по СМС. До скорой встречи.

Трубку отключает Алукард. Странно, что ты все время нашего с сержантом разговора

молчал и слушал. Обычно твой поток из словесных масс неостановим, когда ты слышишь его голос. Что заставило тебя слушать столь внимательно?

-Ивин, мне не нравится то, что он сказал. Безделушки, церемониальный кинжал... Он был слишком уж приветлив, а еще, мне просто не хочется лезть к тебе. Настроение паршивое.

Почему паршивое?

Он не отвечает. Я сам все понимаю. Его заинтересовало то, что нам сказал Рич.

Я беру сигарету и подкуриваю её легким огоньком, выходящим у меня из указательного пальца правой руки. Делаю первую затяжку и слышу недовольное бурчание Алукарда.

-Может быть уже пойдём? Я прочитал адрес из смс. Идти всего минут двадцать, а он ждет твоего прибытия как можно скорее.

Подожди, дай докурю. И да, выключи телевизор. Новости спорта мне не интересны.

-Слушаюсь, мой царь, хе-хе.

Он выключает телевизор, а я в это время делаю последнюю затяжку и превращаю окурочек в пепел.

-Да тебе в цирке выступать, а не преступников ловить и казнить,- с явной иронией сказал демон.

Прекращай. Уж лучше подумай. Что мы сегодня наденем?

-Я бы предложил надеть наши доспехи, взять меч и пойти рубить торговцев "раем".

Значит так. Мы сыграем в нашу любимую ежедневную игру.

-О, нет. Только не начинай эту херню, мужик. Не надо, я прошу тебя.

Я теперь знаю как называется тот прикид, в котором меня встретил Сатана пред входом в Ад.

-Совсем что ли? Бзырь чёрттов, не смей.

Кхм, ха-ха. Давай мне белую рубашку, красный галстук, черные джинсы и черные туфли.

-Валандай, мог бы и сам дойти. Принеси, подай, принеси, подай. Я тебе что, служанка? То, что я рядовой Пожиратель Греха, еще не означает, что у меня нет достоинства и...

Кхм.

- Слушаюсь и повинуюсь, босс.

-Жиздор ты, Алукард. Даже отродье Хаоса будет более благодарно мне за то, что я прошу его это сделать.

-Прости, не могу не поязвить, сосунок.

Один: ноль, чёрт, но только не зазнавайся.

Я надеваю на себя весь комплект одежды за считанные секунды. Достая из тумбочки разгрузочный пояс со своим верным пистолетом, и застегиваю его у низа живота.

-Ну почему не резать, зачем стрелять? Что за магия?

По-моему, сейчас магия- махать огненным мечом, а не стрелять в людей.

-Вздор, Ивин, вздор.

Выйдя и закрыв за собой дверь, я оказываюсь на дождливой улице. Я начинаю движение в сторону места, где меня ждет сержант. На обочине дороги лежат в ряд использованные шприцы, сигаретные окурки, и пустые бутылки из под дешевого пойла заполняют ранее ухоженные газоны. В сточные канавы стекает вода, перемешанная с грязью, больше похожая на испражнения по своему цвету и консистенции, в переулках виднеются торговцы мимолетным наслаждением, “ангельской пылью” и прочим дерьмом. Обшарпанные стены домов омываются дождем, но это не отмывает их убогости, а лишь заставляет фундамент создавать новые трещины и щели. В конце улицы виднеются десять человек. Они вооружены. О чем-то спорят. Видимо, представители местного ОПГ что-то между собой не поделили. Они кричат, ругаются, наводят друг на друга стволы. Свернув в противоположное от них направление, я вижу людей , объявивших забастовку из-за задержки зарплаты. Их речевки кажутся мне наивными. Пройдя в толпе, я поворачиваю голову на право, и вижу , как закрывается продуктовый магазин. “Закрето навсегда”,-гласит вывеска. Детройт переживает худшее время в своей жизни. Где-то слышны звуки выстрелов. Полное беззаконие настигло этот город в век высшего развития цивилизации. Население с каждым днем уменьшается, из-за закрытия заводов и по причине нехватки работы для местных жителей. Тюрьмы переполнены преступниками всех мастей: начиная от вора домушника, заканчивая боссами Мафии. Большинство домов представляет из себя ветхие, брошенные помещения, отдающие лишь отголоском когда-то бурлящей в них жизни. Где-то вдали слышны дурманящие голоса жриц любви.

 Я вижу нужный мне адрес, но меня останавливает крик женщины из переулка.

-Мразь, отвали!

-Дорогуша, нас двое, мы при оружии, и советуем тебе не кричать так громко, ибо мой товарищ любит без звука.

Мощный удар по лицу, заставляет женщину успокоиться. Она только изредка всхлипывает.

-За-за-заберите деньги, но не убивайте.

- Шлюха, нам не нужны твои деньги! Снимай свои штанишки, и порадуй меня с Френки,- кричит, брызжа слюной безымянный отморозок.

Ребята во всю радуются тому, что жертва ничего не может им сделать. Их души полны грехов. Несколько убийств, пять грабежей. Без Алукарда я не смог бы видеть этого.

Не раздумывая, я выхватываю пистолет из кабуры, встаю рядом со стеной, щелкаю предохранителем, выглядываю, дабы выждать лучший момент. Один из подонков снимает

с девушки джинсы и футболку, а другой с безумной улыбкой медленно крадется к ней.

-Чего ты ждешь, Ивин? Стреляй, осчастливь жажду души!,- эхом раздалось в моей голове.

Я жму на курок шесть раз. По три пули на человека. Стреляю по ногам и в плечо, чтобы не убить их. На таких , как они, есть закон. Плюс, их посадят в тюрьму за попытку изнасилования, а насильников в тюрьме не любят.

Алукард показывает свое недовольство, поджигая ногу одного из мудаков. Мысленно я приказываю ему остановиться, и он подавляет свой огонь.

-Ааааа, сука. Мы же тут просто играли.

-Бл...

-Закройте рты, выродки. Радуйтесь, что остались в живых.

Быстрыми шагами я подхожу к женщине, укрываю её рядом лежащим пальто и набираю по своему телефону Рича.

-Рич, отрезок Джефферсон- авеню на участке восточнее Ренессанс центра до района Harbor town. Это два дома от тебя. Пришли сюда своих ребят, а еще “скорую”.

-Что случилось, Джон?

-Предотвращенное изнасилование.

-Хорошо.

Через минуту подъезжает машина с двумя лакеями сержанта: Филли и Джи.

Они вальяжно вываливаются из авто, и кусочки недоеденных ими пончиков падают к ним под ноги, на рубашках заметны следы пролитого кофе.

-Шестой пятому патрулю, мы на месте.

-Понятно шестой, заканчивайте побыстрее и возвращайтесь.

-Так-так , что тут у нас, Филли?

-Ну, тут у нас, видимо, превышение полномочий.

-Филли, Джи, закрывайте свои рты, живо вяжите этих мудаков, и ждите “скорую”.

-Эу! Погоди,- сказали оба с явным недовольством.

Ты нам, как минимум, не указ, и, что хотим, то и делаем, ясно? Сейчас тебя повяжем за то, что грубишь сотруднику при исполнении.

-Деточки мои, я советую вам закрыть рты, положить тех мудаков на заднее сидение вашей тарантайки, и помочь женщине, которая пострадала по вине этих обезьян.

-Сам ты обезьяна,- сквозь зубы, с гримасой боли, сказал один из насильников.

- Закройте рты, выродки,- сказала женщина, сидящая на мокром асфальте.

-Надеюсь, в тюрьме вас быстро продырявят, сукины дети.

Филли и Джи не стали дальше спорить, видя моё гневное лицо. Они подошли к двум преступникам, надели на них наручники и погрузи в авто.

Я подошел к женщине, чтобы понять степень её повреждений.

Нос был сломан, перегородка сместилась вправо, на руках были видны порезы, на затылке не хватало волос, левая рука была вывихнута.

-Мисс, вам помочь встать?

-Да, была бы признательна вам, спаситель.

-Не называйте меня спасителем. Долг каждого человека- помочь в подобной ситуации, не пройти мимо.

-Вы первый, кто не прошел мимо,- нежно проговорила пострадавшая.

Эти слова вонзились, как нож в сердце. "Вы первый, кто не прошел мимо"- своеобразная благодарность, вызывающая у меня улыбку. А меня сложно заставить улыбнуться.

Я хватаю её за талию, и краем уха слышу сирену подъезжающей машины скорой помощи.

Водитель резко останавливает машину, и врачи выбегают, чтобы помочь мне унести даму.

На прощанье она шлет мне воздушный поцелуй и говорит "Спасибо".

-Ага, спасибо. Тьфу! Лучше бы номерок оставила, а потом и себя дала,- с детской обидой говорит Алукард.

Успокойся, мой друг. Не гоже убажывать женщину, побывавшую в аду.

-В аду? Да это не ад, а цветочки... Ты же знаешь.

С печалью в голосе я говорю,- Да, и Алукард сразу понимает, что сказал лишнее. Он обещает, что заговорит только тогда, когда я ему понадобится.

Я улыбаюсь ему в ответ, и закуриваю сигарету. В этот раз поджигаю простой зажигалкой, дабы не привлекать к себе внимание двух отсталых со значками.

Прохожу к нужному дому. Возле ограждения меня встречает Рич. Мы обмениваемся любезностями, как подобает людям, и направляемся в дом.

Открывая дверь, в нос бьет резкий и неприятный запах благовоний. Алукард сигнализирует, что в куллере на кухне святая вода. Это заставляет меня задуматься, но мысли уходят прочь, когда на стене я вижу четыре иконы. Когда я смотрю на них, они начинают плавиться. Раскаленный металл медленно стекает по иконам и падает на вымазанный кровью пол. Я быстро ухожу оттуда, ибо Рич останавливается перед входом в подвал и своим видом

показывает, что чувствует запах.

- Чувствуешь запах гари, Джон?

-Думаю, проводка перегорела.

-Ладно, не важно. Смотри, вход в подвал, как ни странно, запечатан снаружи, но мы стоим на люке, который ведет в него.

-Что с главным входом?

-Заложено кирпичом. Причем сравнительно недавно. Может быть, пару дней. Мы сначала хотели сломать вход, но подумали, что можем повредить фундамент, и поэтому, тщательно обыскав дом, нашли этот люк.

-Все, о чем ты говорил мне по телефону, находится там?

-Да. Там сейчас работает группа криминалистов.

-Прикажи им убраться оттуда, пока я не выйду. Ясно?

-Хорошо, Джон. С тобой пойти?

-Нет, я позову, как закончу.

Я начинаю спуск в подвал. Лестница, ведущая вниз, кажется огромной. И действительно, тридцать шесть металлических ступенек. Глубоко. Навстречу мне идут Стивен и Лара, мои любимые криминалисты. Из них проще получить информацию.

-О, Джон, привет,- очень добродушно сказала Лара.

-Рад тебя видеть, старина,- безэмоционально проговорил Стивен.

-Отбросим формальности. Скажите все, что смогли обнаружить.

-Джон, скажу прямо, ни хера не смогли обнаружить, кроме оккультной ереси. Ни следов, ни отпечатков, ничего.

-Понятно. Ладно. Идите.

Они уходят в спешке, а я же, наоборот, медленным шагом направляюсь в сторону места преступления.

- Ивин, мне тут не нравится. За всем этим яacobным оккультизмом скрывается нечто такое, что заставляет твои руки дрожать. Святая вода в куллере, как минимум, необычно.

Знаю, Алукард, но мне интересно знать, что тут произошло.

-Посмотри на пол, Ивин. Он весь вымазан слизью, которую смертные не замечают. Они не видят ничего того, что видим мы с тобой, или те же инквизиторы. Вон, смотри, на стенах печати демонологов.

Их накрыла инквизиция?

-Да, ты очень догадливый. Как мышь в мышеловке, ей-богу.

Тссс, я чувствую запах церковных свечей. Кажется, тут были не только инквизиторы.

-На прошлой неделе, если я не ошибаюсь, мы с тобой накрыли банду под Хайленд парком. Там были сотни две обученных головорезов, но ты ...

Стой. Молчи. Видишь, на двери начерчен крест, принадлежащий ордену серебряной руки.

-Ну и?

Ты знаешь, что нам нужно.

Алукард не заставляет долго ждать. Пламя охватывает меня, кожа вместе с одеждой начинает тлеть, а на её месте появляется шипованная адская сталь черного цвета с руническими письменами. Мои глаза изменяются, вытягиваются вдоль всего лица и загораются адским пламенем. Из спины выползает черный, как ночь, плащ, поглощающий любой свет, кроме огня. Голову покрывает слой прочнейшей рунической стали, с вытянутыми, закрученными рогами. Над головой полыхает маленький огонек, выжигающий святую воду. Пар окутывает меня, и в правой руке из воздуха материализуется мой верный брат, моё вечное оружие – клинок “Потерянный рай”, пораженный вечной чумой и синим пламенем кузни Хапхана. Левая рука создает огненный щит.

Мощным ударом меча я разрубаю дверь пополам. Сталь начинает испускать крики миллионов загубленных душ, меч дрожит в моей руке от боли, испытываемый им от освященной двери.

-Хозяин, даже меч не может выдержать такое. Может уйдем?

Нет, мы пройдем в комнату.

Как и следовало ожидать, моему взору предстает одна из святынь порока.

Эти так называемые борцы света ничем не лучше сарацинов, с которыми они так яро боролись.

Реликвии, о которых мне говорил Рич, при осмотре комнаты, я не смог обнаружить.

-Ивин, я чувствую, что тут произошло. Лучше валить отсюда. Хотя ты пошлешь меня к чёрту, и все равно, как упрямый баран, попрешь.

Алукард, я воткну меч в землю, а ты покажешь мне то, что тут произошло.

-Да, мой повелитель.

Я втыкаю меч в землю и встаю на правое колено. Вокруг меня образуется щит адского пламени, который защитит меня, в случае любой угрозы.

-Ивин, есть нелицеприятная новость. Нас переместило из того подвала в катакомбы

Лос-Анджелеса.

С чего ты это решил?

-Смотри...

Мои глаза извергают поток огня, и я начинаю видеть произошедшие события.

Мелькают тени людей, одетых в рыцарские доспехи. В центре комнаты стоит священник, облаченный в боевой комплект брони. Он произносит заклинание для изгнания вселившийся в людей нечистой силы.

Рядом с ним, с мешками на головах, стоят двое. Сзади них виднеются обрубленные крылья. Это падшие Ангелы? Но что он из них изгоняет?

Священник заносит правую руку над мужчиной, и протыкает его насквозь. С женщиной он проделывает то же самое.

Он умывается их кровью, а его приспешники начинают молиться. Но не Богу. Они произносят имя Ваала. И он является к ним. Забирает души погибших и отдает что-то священнику.

Это книга мертвых.

Я резко выхожу из временной воронки.

-Я говорил, что тут что-то из ряда вон выходящее? Я был прав?

Да. Алукард. Ты прав. Но зачем священнику нужна книга Мертвых?

-Спроси у него. Он все время стоял в тени.

Из дальнего правого угла выходит священник, облаченный в красный булатный доспех.

Его лицо закрыто куском плотной, черной мантии, но за спиной видны крылья падшего ангела.

Я развеиваю защищающий меня щит, и делаю быстрый выпад вперед, протыкая священника.

-Onti det himo...

Не успевая сказать слова, дабы изгнать меня в ад, я отрываю ему голову. Кровь хлещет фонтаном, заливая белый пол подо мной.

Я срываю маску с его лица, и вижу перед собой одного из пожирателей душ.

Алукард. Что это может значить? Алукард? Алукард...

Резкий свет бьет мне в лицо, меня прибивает к земле порывистый ветер. Кости трещат под напором действующей на меня силы. Я начинаю падать в низ, во тьму...

3. Вымысел?

Я просыпаюсь прикованный к кровати. В лицо бьет свет от больничной лампы. В глазах очень мутно, но мне удается разглядеть палату. Она полностью покрашена в белый цвет. Есть одно окно, да и то защищено решеткой. Рядом с кроватью- тумбочка и стул. На этом стуле сидит полицейский. Напротив блюстителя закона, метрах в четырех, красуется пластиковая дверь со стеклом посередине.

Увидев, что я очнулся, он встает надо мной. Что-то говорит, но я не могу разобрать. В ушах звенит так, будто я лежал два или три часа, прислонив своё ухо к громкоговорителю.

Он сердится и бьет меня по лицу. Удар, еще удар, я слышу хруст своей челюсти, но боли не ощущаю. В палату забегают еще пара полицейских и врач. Они оттаскивают его, и в этот момент я разбираю его последние слова:

- За что?

Они отдаются в моей голове многократным эхом, которое с каждым разом усиливается. Я начинаю чувствовать невероятную боль, кричать от ужаса: мои кости выворачивает наизнанку, из моего рта потоками вырывается жель, я опорожняюсь под себя, захлебываюсь собственной рвотой.

Врачи переворачивают меня на правый бок, предварительно отвязав правую руку. Все тело дрожит, как рельсы под проезжающим поездом. Икроножные мышцы сводит до предела. Ощущения такие, будто мне отрезали обе ноги и тут же прижгли раны.

Я отключаюсь...

Не знаю, сколько прошло времени, но просыпаюсь я поздно ночью. По мне бежит пот. Боли нет, но слабость накатила, как ощущение расслабленности после выпитой рюмки водки. Легкая дрожь проходит по телу. Лицо горит от нанесенных мне ударов. Видимо, сукин сын сломал мне челюсть. Я осматриваю комнату, но из-за полумрака плохо что вижу, да и зрение подводит. Все расплывается, предметы имеют не четкие контуры.

Я начинаю кричать, звать на помощь, но получается бессвязная чертовщина, вроде :“Абавбалабал”.

Дверь открывается резко, и в неё входит мужчина в коричневом плаще и судя по погонам на плечах, комиссар местной полиции.

Они зовут санитаров. Осматривают меня презрительным взглядом. О чем-то шепчутся между собой и уходят.

Первым уходит комиссар. Вторым детектив, но я слышу, что он просит Санитаров позвонить ему, как только я смогу говорить.

Мне что-то вкалывают, и я снова отключаюсь.

Так проходит несколько недель: я просыпаюсь, бормочу что-то бессвязное, приходит санитар, кормит меня, меняет утку, что-то вкалывает, и я снова засыпаю. И так каждый чертов день. Каждый день.

Проходит еще неделя, и ко мне возвращается речь. Пришедший ко мне санитар молчит, не отвечает на мои вопросы. Но ничего мне уже не вкалывает, а лишь отвязывает руки, и уходит за дверь.

К вечеру, вместо очередного работника больницы, ко мне приходит мужчина в пальто.

Он закрывает за собой дверь, подходит к кровати, ставит перед ней стул и садится на него, кладя правую ногу себе на левую. Из внутреннего кармана своей верхней одежды, он достает блокнот с ручкой и начинает что-то писать. Я ничего не спрашиваю, а лишь смотрю на него вопрошающим взглядом, на что он, с неизменно холодным выражением лица, говорит:

-Меня зовут Чарльз Уильямс. Я детектив Калифорнийского отдела полиции в Лос-Анджелесе. А как зовут вас?

-Я Ивин.

-Судя по документам, которые были найдены в кармане вашего пиджака, вы Джон Рид, тысяча девять сот девяносто шестого года рождения.

-Нет, я Ивин.

-Как угодно. Ивин, вы помните, что произошло тринадцатого ноября ?

- Какого года, детектив?

-Две тысячи семнадцатого.

-Я проснулся, пошел на работу. Если что, то работаю детективом в Детройте. Меня попросили помочь...

-Хватит. Значит так. Я говорю, а вы слушаете и запоминаете. Вас зовут Джон Рид, вы родились в городе Детройте в тысяча девятьсот девяносто шестом году. В возрасте четырех лет вы, вместе со своей ныне покойной матерью, переехали в город Ангелов. Отучились в Pitzer College на гида, а затем устроились работать на автомойку по адресу

2580 Glendale Blvd. Там вы проработали ровно год, а затем уволились по собственному желанию . Это связано как-то с вашей зависимостью?

-Какой зависимостью? О чем вы говорите? Я падший лорд, взявший Иерусалим!

-Значит так, падший лорд, тебе, конченному куску дерьма, светит электрический стул за убийство пяти человек, трое из которых были сотрудниками полиции.

-Что за ересь вы несёте? Я не убиваю простых людей.

-То же самое вы говорили, когда вас задержали. Вы сказали, что не убиваете простых людей, а только грешников и рыцарей инквизиции, которые охотятся за вами.

-Я Ивин, падший лорд, продавший душу Сатане.

-Нет, вы- очередной наркоман, продавший душу “ангельской пыли” и героину. В результате сильнейшего наркотического опьянения, вы ворвались в дом к женщине по имени Анджелла Койн, и убили её вместе с грудным ребенком. Выпотрошили её тело, из кишечника убитой выложили пентаграмму, а ребенка положили по центру, и воткнули ему нож для разделки мяса прямо в область сердца. Затем, вы, Джон, обмазались кровью и подожгли дом. На пожар приехали пожарные и две машины с сотрудниками полиции.

Вы оказали сопротивление при аресте. Взяли в заложницы одну из сотрудниц, выхватили пистолет из её кобуры и убили двух надвигавшихся на вас полицейских. Затем, вы свернули шею заложнице, и пустили пулю себе в висок, но она прошла по касательной, и не задела мозг.

Я ничего не говорю, а только слушаю, и судорожно потряхиваю головой. Быть не может, что все то, что я делал- всего лишь приход от наркотиков.

- Вы все еще со мной, мистер Рид?

Я киваю головой, но стараюсь не смотреть на детектива. Из глаз текут слезы, а слюна стекает на пол. Кровь стынет в жилах от услышанного.

- Я понимаю вас, мистер Рид. Но и вы поймите меня. Если психиатр докажет вашу невменяемость, то смертную казнь вы сможете избежать, заменив её на пожизненное заключение в психиатрической клинике.

-Чем это лучше смерти?

-Вы будите жить. Вернее будет жить то, что от вас осталось.

-А что осталось от меня ?,- я говорю это с долей самоиронии.

-Вы понимаете, что совершили убийство пяти человек, пытались покончить с собой, а еще употребляете психотропные вещества в таких количествах, что должны были уже давно умереть. В вашей квартире, мы обнаружили три грамма диацетилморфина и шесть грамм экгонилбензоата.

- А человеческим языком можно?

- Я уже говорил, на что вы выменяли свою душу, ведь так? Не будьте глупцом, и поймите все сами.

-Когда будет суд?

-Завтра вечером, ближе к шести.

-Мне нужно будет прийти?

-Нет, не стоит, не утруждайтесь. Вместо вас придет ваш психиатр с результатами тестов на вменяемость. Эти тесты помогут решить вашу судьбу.

-А что, по-вашему, лучше?

-Вы убили одного из моих сотрудников. Я еле сдерживаюсь, чтобы не пересчитать вам

зубы и не сломать шею. Так что, в вашем случае, я думаю, лучшим решением будет смертная казнь.

Я начинаю думать над словами детектива, о том, что смерть для меня- единственный выход из ситуации.

Мужчина в плаще встает со стула, и направляется к двери, но на секунду замирает и говорит:

-И да, мистер Рид. Прощайте,- сухо сказал детектив.

Он поспешил как можно скорее убраться из моей палаты. Но на смену ему пришла девушка двадцати шести- семи лет, во врачебном халате, с маленькими губами, родинкой на левой щеке, голубыми глазами, и превосходными кудрявыми волосами огненного цвета.

Она представилась Джессикой, моим психиатром. Её красивое без единой морщинки лицо, с интересом пожирало меня взглядом, а звук её цокающих каблуков был похож на игру пианино, которую я слышал в детстве. Если не ошибаюсь, то мать играла "Музыку Ангелов" .

Джессика садится ко мне на кровать, берет мою руку и что-то спрашивает, но я не могу разобрать, что. В голове отдается только мамина музыка...

Она сидит так со мной час, и детально изучает. Видит мои руки, и неодобрительно кивает головой вправо-влево, а потом игриво улыбается.

-Можно я буду звать вас Джон?

-Да.

-Отлично. Итак, Джон, расскажите мне, что вы помните о случившемся. Я полагаю, что этот дядька в плаще уже ввел вас в курс дела?

И я отвечаю ей на это вопрос. Рассказываю все, что помню. Она слушает, и записывает в блокнот.

-Итак, Джон. Вы утверждаете, что Ивин- вы, и книгу вы не писали. И все то, что я сейчас слышала- сушая правда?

-Да, мэм.

-Может это поможет вернуть вам память?

Она достает из тумбочки книгу в черной обложке, со странным названием "Двуликий", открывает первую страницу и начинает читать медленно, не спеша, дабы я мог уловить каждую деталь.

Так проходит два или три часа. Она все читает и читает, а я начинаю плакать и вспоминать.

Я начал писать еще в колледже и получалось, как говорили люди, неплохо, и одновременно с этим приобрел новое увлечение... Наркотики. Сначала это было, чтобы

Но я помогу тебе избавиться от греха...

На этих словах, я перестаю читать, ибо картинки произошедшего со мной проскакивают в голове, как изгибы киноленты. Я вижу все в деталях. Я убил их...

Начинаю кричать и одновременно плакать, биться головой об подушку. На мои крики, в темпе вальса, вбегают два санитары. Они аккуратно хватают меня за руки, пристегивают их к кровати, что-то вкалывают мне, и я отключаюсь...

Мне снится сон. Я вижу Алукарда, но, присматриваясь повнимательнее, я понимаю, что это я весь вымазан в крови, а рядом со мной лежат два трупа. Я и есть Алукард. Я есть свой собственный демон. Смех пронизывает мою голову. Нелицеприятная картинка сменяется темным коридором, в котором эхом повторяются "Ты Демон!", "Сволочь", "Мразь", "Убийца". Идя по коридору, с потолка на меня льет дождь. Кровавый дождь. Я падаю на колени, и начинаю молиться. Прошу помощи у Бога, но в ответ слышу лишь смех и слова: "Он отвернулся от тебя!"!

Резко, я проваливаюсь вниз и лечу. Я падаю в бездонную, черную дыру, и видимый сверху свет медленно, но верно растворяется во тьме...

Проснувшись, я слышу, как дождь все еще льет. Я не знаю, сколько спал, но судя по тому, как свело мою шею, предполагаю, что очень долго. По моему лбу стекает холодный пот. Я трясусь в ужасе от осознания совершенного.

Дверь в палату открывается, и в неё входит детектив с двумя полицейскими.

-Джон, мои поздравления. Завтра в девять утра тебя ждет электрический стул, - с явным злорадством говорит детектив.

В ответ на его слова, я лишь улыбаюсь и смеюсь как умалишенный. Мои руки и ноги отстегивают от кровати, кидают одежду и просят одеться.

Я медленно снимаю с себя больничные тряпки, заменяя их синей тюремной робой.

Неторопливо отрываю свой зад от больничной койки и медленным шагом вместе со своим сопровождением, я выхожу из палаты. Яркий свет от ламп бьет в лицо. Глаза горят, пускают море слез, дабы избежать боли. Я щурюсь, но это не спасает. Белые стены сопровождают меня до выхода из больницы.

Когда я вышел на улицу, в лицо подул сильный ветер, а на голову стали падать капли дождя. Дождь очищения или плач ангелов о моей судьбе? От этих мыслей меня отвлекает толчок в спину от одного из сотрудников полиции. Меня сажают в машину, и она начинает движение. Встроенные в приборную панель часы показывают десять вечера.

Мы проезжаем десять светофоров, сворачиваем три раза налево, проезжаем четыре супермаркета, две заправки и, наконец, останавливаемся у городской тюрьмы.

- Ну все, Рид. Приехали. Выходи из машины, и следуй за мной,- сказал детектив.

Я осторожно высовываю ноги из полицейской машины и встаю на промокшую землю последний раз в жизни. Прежде чем меня заведут в тюрьму, прошу у детектива сигарету.

- Держи,- сказал детектив, с явной иронией.

Он засовывает её мне в рот и поджигает. Я делаю глубокий вдох, чтоб как можно больше втянуть в себя губительного воздуха, и выпускаю этот яд на волю.

Детектив не торопит меня, а ждет завершения акта долгосрочного самоубийства.

-Чарльз Уильямс, а что за человек играл на моих лицевых костях?

Сотрудник полиции достает для себя сигарету. Поджигает её, затягивается, делает тяжелый вздох и говорит;

-Это мой подчиненный, оставшийся вдовцом по твоей вине.

В эту же секунду яркая молния сверкает в небе. После этих слов, я понимаю, что я чудовище...

Дождь усиливается и начинает лить со страшной силой. Капли разбиваются об мою голову, оставляя маленькие синяки. Сигарета тушится и разваливается на моих глазах так же, как и моя жизнь.

-Небеса гnevаются,- говорит детектив.

Небеса гnevаются, небеса гnevаются...

Меня заводят в изолятор. Детектив говорит, что в семь утра мне принесут еду, которую я хотел бы вкуcить в последний раз. Я отвечаю, что хочу яблочный сок, овсяное печенье с шоколадными каплями и куриный шницель. Полицейский улыбается и уходит.

Я ложусь на кровать и сразу засыпаю. В голове всплывают черно- белые картинки, как в старом артахусном кино. Противоречивые мысли посещают чертоги моего сознания, да и то слишком сумбурно, и с явным оттенком дешевизны. Я спорю сам с собой о том, что это все сказка, все вымысел, и что я сейчас проснусь, и снова буду искоренять грешников, неся мир на землю, но потом встает та же картина: я весь в крови, а рядом со мной два трупа. Нет, это не сон, это реальность!

Мои мысли прерывает яркий свет. Дверь в камеру открывается, и в неё входит мужчина в белых одеждах, с босыми ногами, длинными волосами каштанового цвета, и аккуратно подстриженной черной бородой. Я не вижу его лица, но представляю, кто это. Я тяну к нему свои руки, но он начинает отдаляться, и кивать своей головой из стороны в сторону.

Он растворяется в потоке света, и оставляет меня в кромешной тьме...

Меня будит удар полицейской дубинки по решетке. Опять я слышу знакомую мелодию у себя в голове. Стальная решетка открывается, и мне заносят мой завтрак. Все как я и просил. Детская улыбка появляется на моем лице, и я с наслаждением съедаю все, шлифуя это стаканом яблочного сока. Я рад, как мальчишка, потому что эту еду мне давала мать в детстве. Да, давала. Память собирается, как самый запутанный в мире пазл, и я вспоминаю, что писал роман о рыцаре, который усомнился в вере, ибо Бог отказался от него. Я отдаю отчет тому, о чем сейчас подумал, и последний кусочек пазла входит в нужную каемку. Ивин, Аллукард- образ меня созданный моим подсознанием, дабы защитить меня. Те грешники, чьи души он забирал, есть множество интерпретаций меня.

Давай уйдем отсюда- говорила часть моего сознания, которая не была задета ангельской пылью и “белым”, а не демон. Хотя, судя по всему, я сам и есть демон. Да! Я и есть демон.

Из моих мыслей меня вытаскивает человек, схвативший меня за руку. Он помогает мне встать, и просит рядом стоящего полицейского помочь донести меня до пункта назначения.

Я иду по темным коридорам тюрьмы и слышу плач заключенных, удары кулаков о железную дверь одиночной камеры, как за окном бушует агрессивный дождь с градом.

Все сгущает краски сегодняшнего дня, как бы показывая, что пути назад нет.

Меня заводят в комнату со стоящим посреди нее стулом. Сажая на него, пристегивают руки и ноги. Рядом стоит священник. Он читает молитву, дабы очистить мою душу, но я вижу по лицам присутствующих тут людей, что это просто фарс, ведь они понимают как и я, что меня ничто не спасет.

Закончив своё выступление, служитель божий удаляется с места проведения казни, растворяясь в темном коридоре.

Наступает гробовая тишина. Изредка слышны слова о том, чтобы по скорее нажали на рычаг. Это говорит тот парень,использовавший моё лицо в качестве боксерской груши. Мне предоставляют последнее слово, но я отказываюсь от него. Я слышу раскаты грома за стенами тюрьмы. В голове начинает играть знакомая мелодия “Die, Diemydarling”, по щеке стекает слеза, а во рту становится очень сухо.

Мне кладут мокрую губку на голову, прикрывая её металлическим шлемом. Я закрываю глаза, и мелодия усиливается. Тяжелая рука представителя закона берется за рычаг, и опускает его вниз. Две тысячи вольт проходит по моему телу, вызывая у меня предсмертные конвульсии. Я чувствую, как кожа на лице начинает плавиться, слюни выливаются струйкой из моего рта, как водопад Килиманджаро. Во рту появляется приторный привкус крови. За две прошедшие секунды, я почувствовал невообразимую боль, коей не было даже во время ломки. За окном я слышу раскаты последнего грома в моей жизни.

Я издаю последний вздох, и резко несусь вьсь. Воздух обтекает меня, будто я орел. Добравшись до небес, я резко начинаю тонуть в жидких облаках и лечу обратно к земле, как якорь балкера. Прохожу, как бур, земную поверхность, и продолжаю лететь в небытие. Но преградой на моем пути становится холодный, отдающий запахом гнили, покрытый туманом и темный, как самая глубокая пещера, пол. Приземлившись, я начинаю лихорадочно осматривать вынужденное место моего пребывания, но вокруг сплошная пустота...

До меня доходит, что рай и ад- все сказки людей, привыкших жить с субъективным пониманием добра и зла. Нет святых облаков, нет грешного огня, есть только кромешная тьма.

Мой безудержный смех заполняет пространство, а всеобъемлющая тьма начинает выжигать изнутри последнюю каплю рассудка. Я закрываю глаза, и растворяюсь в небытие...